

© 2019 г.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ МОНИТОРИНГ ГОРОДСКОГО МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА: МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОДИКА, ПРАКТИКА / Монография / Колл. авторов; под. ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.

Иммиграция граждан из государств постсоветского мира за прошедшие три десятка лет существенно изменила этнический ландшафт российских мегаполисов. Рецензируемая книга посвящена мониторингу этносоциальных процессов, локализованных в рамках межэтнического сообщества, в крупнейшем городе России – Новосибирске (1,6 млн жителей). Приводятся данные о резком возрастании за последнее десятилетие числа мигрантов. Это означает, что в недалеком будущем этнический портрет города может измениться еще сильнее. Возникают анклавоподобные поселения, заселенные по этническому признаку, что ведет к точечным межэтническим столкновениям, появлению социальных проблем. Согласно опросам жители опасаются, что именно такие места могут стать очагами межнациональной напряженности (с. 196).

В начале нулевых годов, когда Новосибирск стал испытывать все усиливающуюся миграционную нагрузку, стало складываться плодотворное сотрудничество городских властей с новосибирскими этносоциологами. Социологи совместно с отделом по взаимодействию с религиозными организациями и национально-культурными автономиями и организациями управления общественных связей мэрии Новосибирска (руководитель М.Н. Терентьева) реализовали ряд проектов: исследования проблем идентичности и межэтнических отношений в молодежной среде; разработка Концепции реализации национальной политики в Новосибирске, ставшей пионерской в России; социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества. Рецензируемая монография стала своего рода итогом их многолетнего сотрудничества.

Несомненным достоинством монографии является описание той методологической позиции, которая задает определенный режим восприятия изучаемого объекта и позволяет определить состояние межэтнических отношений. Критикуя то понимание нации, которое формируется с конструктивистских позиций, сводящей ее по сути к идентичности, или трактующей нацию исключительно как гражданский феномен, Ю.В. Попков подчеркивает необходимость учета этнической составляющей нации (с. 45–51). Рассмотрение гражданской (общенациональной) идентичности как альтернативы этнической идентичности не является эффективным с его точки зрения. Существуют сложные механизмы формирования гражданской идентичности, которые не отменяют ее сопряженности и взаимодополнительности с идентичностью этнической при условии позитивной направленности последней (с. 50–52, 254).

Ю.В. Попков подчеркивает изменение концептуального подхода к пониманию нации в двух главных документах, законодательно определяющих национальную политику в постсоветский период, – Концепции государственной национальной политики Российской Федерации (1996) и Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (2012). Если в первом нация трактуется как этнокультурный феномен, то во втором – как нация-государство (российская нация) (с. 44). Далее автор формулирует концептуально значимую проблему объекта национальной политики, в качестве которого в Стратегии рассматриваются межнациональные (межэтнические)

отношения и конфликты (с. 57). Принципиальная позиция авторов состоит в выделении в качестве объекта не только указанные явления или отдельные группы, общественные организации, но и межэтнические сообщества (с. 58, 119–120). Межэтническое сообщество характеризует, как пишут авторы, определенная степень интеграции, обусловленная историей совместного проживания разных этнических групп на территории региона. В итоге между ними вырабатываются практики бесконфликтного существования, что обеспечивает стабильность и целостность межэтнического сообщества (с. 107). Рассмотрение города как межэтнического сообщества в рамках социокультурного подхода позволило авторам выявить культурные особенности мигрантов, многообразие этнических акторов, в числе которых диаспоральные сообщества (с. 147).

Недостаток обоих официальных документов авторы видят в характере тех задач, которые там сформулированы – ограничительные, а не конструктивно-позитивные. Так, упор сделан на противодействие экстремизму и национализму, пресечение и предупреждение конфликтов на национальной почве и т.п. (с. 118). Нельзя не согласиться с тем, что в обоих официальных документах речь идет о мониторинге межнациональных отношений и конфликтных ситуаций, а не об этносоциальных процессах и динамике развития существующих в России межэтнических сообществ (с. 152–153). Другой значимой проблемой, по мнению авторов, является применение понятия «интеграция» лишь к мигрантам, а не к принимающему их российскому населению. Интеграция рассматривается как взаимосвязанный процесс: адаптация мигрантов к принимающему сообществу и одновременно адаптация принимающего сообщества к мигрантам (с. 126–127). А ведь именно межэтническая интеграция является условием укрепления государственного единства и целостности России.

Критический анализ документов стал отправной точкой для создания Концепции реализации национальной политики в Новосибирске, концептуально определившей диагностику состояния этнокультурного разнообразия и этносоциальных процессов в городе, что позволило принимать взвешенные и системные управленческие решения (с. 241–246).

Отталкиваясь от мониторинга, разработанного ФАДН (С.Р. Хайкин, С.Б. Бережкова), авторы создают свою модель социокультурного мониторинга, солидаризируясь в некоторых положениях с известным этносоциологом Л.М. Дробижевой (с. 149–156). Так, она указывает на необходимость учета таких индикаторов, как оценка различных идентичностей (этнической, региональной, гражданской), подчеркивая важность актуализации этнической идентичности, которая может стать фактором этнической мобилизации во имя позитивных целей, а не только условием дезинтеграции (с. 154).

Концептуальные основы разработанной авторской модели социокультурного мониторинга четко прописаны в нескольких пунктах (с. 157). Система показателей разделена на блоки: социальный (15 показателей), культурный (13 показателей), личностный – 9 показателей (с. 158–159), каждый из которых строится на основе индикаторов, выделяемых в инструментарии (опросники, тесты и др.). Они дополняются объективными характеристиками: этническая структура населения; ее динамика за счет миграций и естественного прироста (убыли); численность обучающихся родным языкам; численность членов национально-культурных автономий; контент-анализ представленности этнокультурной проблематики в СМИ и характер ее освещения и др. (с. 158).

Особо следует подчеркнуть применение такого инструмента, как социальное картирование, позволяющего диагностировать состояние этносоциальных процессов на локальной территории в пространственном контексте (И.А. Скалабан). Охарактеризованы разные виды картирования и указаны преимущества этой методики (с. 160–163). Карта территории строится на основе анализа индивидуальных и групповых образов среды у респондентов как зон коллективного согласия – конвенциональных социальных образов города. Использование метода картографирования оценок уровня межнациональной напряженности в местах проживания респондентов показало общую картину их распространенности и локализации, выделить не только отдельные территории, но и визуализировать тенденции к ареальности распространения. Наложение на карту эмпирических данных, полученных в

ходе социологических опросов, позволило выделить четыре ареала Новосибирска, где респонденты отмечали высокий уровень межэтнической напряженности.

Карта демонстрирует, что пространственное распределение прогноза межэтнических конфликтов населением только отчасти соответствует выявленному ранее пространственному расселению мигрантов (с. 169–170). Сетевое картирование, построенное с использованием данных виртуальных сетевых сообществ и социальных сетей, позволяет реконструировать актуальные контакты, связи между индивидами, сообществами, внутригрупповые и межгрупповые отношения (с. 170–171), дополняя тем самым реальную картину межэтнического сообщества более тонкими и глубокими внутренними характеристиками.

Подробно описанная эмпирическая база получена в результате проводимых под общим руководством Ю.В. Попкова с 2012 г. комплекса исследований, включая массовые опросы (2014 г. – рук. опроса Е.А. Ерохина, 2017 г. – рук. опроса Н.Д. Вавилина). Использовался также метод наблюдения (рук. И.А. Скалабан), применяемый для изучения: поведенческих практик во время этнических праздников, совещаний этнических организаций; повседневного поведения в жилом пространстве – дворы, центры микрорайонов – «спальников» (торговые центры, кафе, ларьки, частный сектор); публичного пространства – рынки, торговые центры; пространства мобильности – городской транспорт, железнодорожный вокзал. Исследователям удалось выделить визуальные и поведенческие маркеры изменения этносоциальной ситуации в межэтническом сообществе. Результаты включены в методические материалы, рекомендованные органам местной власти и специалистам для анализа текущего состояния межэтнических отношений (с. 171–172).

Второй раздел посвящен собственно межэтническому сообществу Новосибирска. С некоторыми оговорками можно согласиться с нарисованной исторической межэтнической картиной, которая включает в себя краткие образы, начиная с доисторических времен, включая завоевание Сибири и имперский период (с. 180–181). Однако можно спорить с той оценкой, которую авторы дают политике империи в отношении нерусских народов Сибири, называя ее «мудрой». Сомнителен и не аргументирован тезис о том, что имперская власть действовала по принципу «интеграция без ассимиляции» (с. 182). А утверждение, что в имперский период коренные народы Сибири включились в процесс развития государственности России, став ее частью (с.182), трудно признать. Весьма авторитетный в этом исследовательском поле историк В.В. Трепавлов пишет о том, что в имперской России сложилась особая цивилизационная структура с присущими ей алгоритмами взаимной адаптации множества народов друг к другу и к государству¹. Каждый этнический регион проходил несколько стадий: присоединение, инкорпорацию в структуру государства, ассимиляцию. При этом народы (этнос) однозначно выступали в качестве объектов государственной политики, а не субъектов. Колонизация Сибири осуществлялась Российской империей иными методами и средствами, чем те, которые применяла Британская империя в отношении Индии, к примеру, но оставалась при этом колонизацией.

Само обращение авторов к глубинам истории формирования межэтнического сообщества заслуживает одобрения, но монография бы выиграла, если бы соответствующие фрагменты были написаны с применением постколониальной теории. В таком случае нашел бы объяснение зафиксированный в исследованиях авторов парадокс – почему не срабатывает историческая память? Русские Новосибирска в целом положительно и уважительно относятся к немцам, не воспринимая их как «потомков фашистов», и в то же время многие из них негативно воспринимают выходцев из Средней Азии и Кавказа, несмотря на то что первые совсем недавно были гражданами одной страны (СССР), а вторые являются россиянами (с. 109).

В дискурсе постколониализма стали бы понятны корни «давления» на мигрантов со стороны русского принимающего сообщества (с. 303). А тревожащие исследователей

¹С. 201, Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Вост. лит., 2007.

ответы респондентов на вопрос «Как вы относитесь к тому, что живете в многонациональном государстве?» (2018), где четвертая часть новосибирцев и, для сравнения, почти половина красноярцев отрицательно относятся к тому, что живет в многонациональном государстве (с. 329), тогда были бы адекватно поняты. Точно также стали бы ясны причины того, почему считается неэтичным обсуждать вопросы симпатии или антипатии в отношениях народов (с. 263). В контексте постколониальных исследований такие феномены, как «дружба народов» и интернационализм как основа межнациональных отношений (с. 260), были бы переосмыслены и помогли понять причины сегодняшнего критического, зачастую неприязненного отношения русских граждан мегаполисов не только к мигрантам из постсоветских государств, но и к мигрантам – нерусским гражданам России, выходцам из этнических регионов.

Наибольший интерес вызывает пятая глава, посвященная анализу полученного эмпирического материала. Несомненным достоинством работы является применение пространственного подхода, социального картирования, визуализировавшего этносоциальные процессы в межэтническом сообществе (с. 308–319). И.А. Скалабан в полной мере реализовала эвристический потенциал этого современного инструмента, тем более что визуальная культура, частью которой мы сегодня являемся, требует репрезентации всех феноменов, в том числе и результатов научных изысканий, в визуальных образах.

Достоинством работы является также то, что авторы вычленили и дали анализ многим тенденциям в развитии этносоциальных процессов: изменения в калейдоскопе идентичностей русских и нерусских жителей Новосибирска, старожилов и мигрантов; диаспоризацию с ее появлением и дифференциацией диаспоральных групп (с. 204); анклавизацию поселений мигрантов, рассмотренную в дискурсах безопасности и справедливости; конкуренцию принимающего сообщества и мигрантов в борьбе за дефицитные бюджетные ресурсы (социальные услуги, пособия и выплаты); мифологизацию массового сознания русских новосибирцев. Все эти тенденции рассмотрены в динамике, так как основаны на исследованиях разных периодов. Все это делает чтение книги увлекательным занятием.

К недостаткам работы следует отнести неизбежное для коллективной монографии стилевое и в какой-то мере жанровое разнообразие. К примеру, параграф, посвященный муниципальному управлению весьма отличается от параграфа, в котором описаны результаты картирования. Кроме того, есть ряд повторов.

Несмотря на эти недостатки, монография написана на солидной методологической основе, добротном эмпирическом материале, с использованием современных методов анализа. А подобный опыт сотрудничества управленческих структур и социологов может стать моделью для остальных российских регионов, в разной степени испытывающих миграционную нагрузку и реализующих национальную политику на локальном уровне.

Л.Б. ЧЕТЫРОВА

ЧЕТЫРОВА Любовь Борисовна, доктор философских наук, профессор Самарского национального исследовательского университета им. С.П. Королева, Самара (chetyrova@gmail.com).

DOI: 10.31857/S013216250006670-0

SOCIO-CULTURAL MONITORING OF URBAN INTER-ETHNIC COMMUNITY: METHODOLOGY, METHODS, PRACTICE. Ed. by Yu. Popkov. Novosibirsk: NGTU, 2018. 347 p. Reviewed by L.B. Chetyrova

Lyubov B. CHETYROVA, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Samara University, Samara, Russia (chetyrova@gmail.com).
